

Александр Брагинский
Жерар Депардьё.
Чрезмерный человек

«Автор»

Брагинский А. В.

Жерар Депардьё. Чрезмерный человек / А. В. Брагинский —
«Автор»,

Книга рассказывает о невероятной судьбе, творческих удачах и неудачах знаменитого французского актера Жерара Депардьё. В юности тот был главарем подростковой шайки, угонял машины, воровал, не раз оказывался в полицейском участке. Все шло к тому, что он станет заурядным бандитом, но он стал великим лицедеем. Впервые на русском языке полностью публикуются «Украденные письма» самого Жерара Депардьё.

© Брагинский А. В.

© Автор

Содержание

Чрезмерный человек	5
Вместо предисловия	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Брагинский

Жерар Депардьё. Чрезмерный человек

Чрезмерный человек

Жизнь и творчество Жерара Депардьё

Выходить на сцену нужно с таким настроением, словно ты играешь последний акт своего последнего представления. Словно через два часа тебя уже не будет на свете. Поэтому тебе ничего не остается, как выкладываться до конца, отдавая последние мгновения жизни зрителям.

Жерар Депардьё

Вместо предисловия

Первые картины с участием Жерара Депардье мне посчастливилось увидеть в начале 1970-х годов на рабочих просмотрах в «Совэкспортфильме» – конторе, занимавшейся тогда приобретением и прокатом зарубежных фильмов в СССР. Тогда он довольствовался эпизодическими ролями бандитов и хулиганов. Но Жерару повезло: уже в начале карьеры ему довелось поработать в кино с большими мастерами. Так, он трижды снимался с Жаном Габеном – в фильмах «Убийца», «Дело Доменичи» и «Двое в городе» (где также блистал Ален Делон) и хорошо усвоил его манеру игры. Габен весьма милостиво принял молодого актера в их «стариковскую» компанию. Ценным было для Депардье участие в фильме «Трудный день для королевы», где он снялся вместе с великой Симоной Синьоре. Депардье всегда отличался завидной наблюдательностью и умением учиться на примере других. Одно время молодой актер брался почти за всё, что ему предлагали, подчас ошибаясь в выборе ролей и режиссеров, но неизменно набирая опыт.

Много дали ему беседы на съемках и наблюдение за манерой игры таких звезд экрана, как Мишель Серро, Жан-Поль Бельмондо, Роберт Де Ниро, Шарль Ванель, Мишель Пикколи... Он работал на съемочной площадке с такими великолепными актрисами, как Катрин Денев, Миу-Миу, Изабель Аджани, Фани Ардан... Все они, может быть, сами о том не подозревая, внесли свою лепту в его формирование как актера.

Человек думающий, Жерар Депардье в своих интервью часто рассуждает о перипетиях своей карьеры. В одном из них он говорил, что стал актером потому, что хотел общаться с людьми. «Когда я был подростком, я почти не умел говорить. Понадобились занятия речью, чтобы научиться разговаривать нормально. Стать актером для меня означало обрести общение с людьми, обрести молодость, которой я так и не знал, крылья, чтобы летать по свету».

В 1974 году я увидел первую большую роль Депардье в картине режиссера Бертрана Блие «Вальсирующие», которая, к счастью, оказалась в коллекции «Белых столбов», нашего знаменитого фильмохранилища. Оно, приобретая картины по своим неофициальным каналам и по обмену, восполняло пробелы официальной закупочной политики. Специально созданная при Госкино закупочная комиссия, состоявшая из чиновников-коммунистов, светил нашего кино и немногочисленных критиков, никогда бы не пропустила в прокат эту дерзкую провокационную ленту, даже на Западе попавшую в категорию «только для взрослых». Насколько же мы сегодня продвинулись вперед в либерализации проката, если принять во внимание, что фильм «Вальсирующие» был не раз показан по ТВ, а роман, по которому он был снят, опубликован в моем переводе в двух издательствах. Так или иначе, эта картина стала первой ступенькой Жерара Депардье на лестнице славы. За ней последовали и другие его ленты. Некоторые из них по разным причинам были отвергнуты нашим прокатом, как скажем «Ставиский», из-за упоминания в нем имени Троцкого.

Но в целом советскому зрителю повезло: на нашем экране демонстрировалось довольно много картин с участием замечательного актера. У Депардье огромный «послужной список» ролей у выдающихся режиссеров. О наиболее важных из них мы расскажем в этой книге. Хотя всех его ролей (а их свыше ста шестидесяти), конечно, не упомянешь...

Мне выпало удовольствие несколько раз встречаться с Жераром Депардье. Однажды удалось обстоятельно побеседовать с ним, о чем я расскажу ниже. Я неизменно и с большим интересом слежу за успехами и неудачами выдающегося французского актера.

Мой друг Бернар Блие, первым по-настоящему открывший удивительный талант Депардье, еще в начале 1970-х предсказал, что актерская карьера Жерара может стать длинной и успешной, правда, добавив: «если не сопьется». Кроме Блие тогда, пожалуй, никто больше не верил в Депардье-актера. Режиссер хотел однажды познакомить молодого Жерара с отцом

основателем крупнейшей французской прокатно-производственной компании «Гомон» Пуаро, но тот, лишь взглянув на Депардьё, заявил: «Этот мужлан никогда не станет актером».

Недавно Блие спросили:

– Вы снимали Жерара Депардьё, когда он был никому не известным актером, изменился ли он, став кумиром миллионов, не подхватил ли он «звездную» болезнь?

Режиссер ответил, как всегда иронично:

– Он и не мог измениться к худшему, потому что хуже, чем он был, быть невозможно. И сегодня он такой же выпивоха и шалопай. Таким он был в начале карьеры и таким же сойдет во гроб. Единственное, что оправдывает его: он один из величайших актеров мира. В творчестве его можно сравнить с хорошим французским вином: чем дольше выдержка, тем лучше.

Жерар не только сделал блестящую актерскую карьеру, он проявил себя неплохим бизнесменом. В 1989 году по примеру Франсиса Вебера, Пьера Ришара, Жана-Луи Трентиньяна и Кристофера Ламбера, увлекшихся виноделием, он приобрел 500 га виноградников в Шато де Тинье (провинция Анжу) и теперь ежегодно выпускает 350 000 бутылок каберне. У него есть виноградники в Италии, Марокко и Алжире, где он владел до последнего времени совместно с миллиардером Рафиком Халифа 150 га земли. Кстати, этот человек многократно оказывал услуги Депардьё, предоставляя в его бесплатное распоряжение самолеты своей компании «Халифа» и роскошную виллу на юге Франции. Но недавно Жерару пришлось давать показания в качестве свидетеля следователям прокуратуры, расследующих «дело Халифа», подозреваемого в хищении финансовых средств алжирской компании «Халифа ТВ». Рафик скрылся, объявив о своем банкротстве, и теперь неизвестно, что будет с их совместной с Депардьё ответственностью. Но во Франции дела Жерара идут неплохо, хотя он лично не управляет производством своего вина, доверив это тонкое дело профессионалам. Сам Депардьё рассказывает в своей книге «Украденные письма» (см.), какого неимоверного труда требует изготовление хорошего вина. Он, конечно, не в состоянии контролировать все стадии сложного производства, но, следуя давнему обычаю, обязательно прилетает на первый день сбора винограда.

Помимо виноградников, актер владеет табачной плантацией на Кубе, текстильными фабриками в Румынии... Однако Депардьё говорит, что никогда не считал себя бизнесменом. «Просто я люблю жизнь, перемены, именно это и подвигло меня заняться бизнесом. Я обожаю изменения в жизни, невзирая на то, какие эмоции они приносят. Главное – чтобы они были».

Владея небольшим вертолетом, он быстро перемещается на нем в любой конец страны. 500 километров от Парижа до Тинье можно проделать и на его BMW, но Депардьё, как всегда, спешит. Даже в Париже он любит развезжать на мощном байке «Судзуки Бандит». Однажды мне случилось увидеть Жерара на этой дьявольской машине, всего затянутого в кожу и с очками на лбу, разговаривавшем с кем-то на узенькой улочке Линкольна, прилегающей к Елисейским Полям. Я уже было направился к нему, чтобы напомнить о нашем московском знакомстве, как он рванул стартер и исчез в грохоте мотора. Кстати сказать, лихачество на дорогах и езда в нетрезвом виде уже не раз дорого стоили ему. Однажды под Лионом, торопясь на съемки нового фильма, он привычно летел со скоростью почти 200 км в час на обожаемом мотоцикле. Произошла жуткая авария, Жерар чудом остался жив, сломав себе ногу в нескольких местах. Полицейские констатировали у актера трехкратное превышение нормы алкоголя в крови. К счастью, Жерар отделался лишь несколькими месяцами условного заключения, крупным штрафом и запретом на вождение в течение 15 месяцев. Интересно, что пытаясь оправдаться на суде, он все время твердил, что гнал так, потому что репетировал роль некоего «мужика а-ля рус».

А совсем недавно пришло сообщение, что Депардьё на своем супер байке опять угодил в аварию... Он неисправим.

Корреспонденты как-то спросили его, что тот считает своим самым большим успехом в жизни. Депардьё с полной серьезностью ответил:

– То, что я еще жив.

Жерар называет самого себя «чрезмерным человеком». «У меня есть козырь – я умею радоваться жизни, безумно люблю ее во всех ее проявлениях», – говорит Депардьё. Он несется по жизни, словно по шоссе на своем байке. Его тело и душа не терпят покоя. Он живет в диком ритме, снимаясь в год в 5–6 фильмах.

Как истинный француз, Депардьё гурман. По свидетельству его друзей, больше всего он обожает барашка на вертеле и черную икру. «Люблю вкусную еду, и чтоб ее было много. В детстве я ел одну картошку, поэтому сейчас позволяю себе все», – говорит актер. Конечно, такое пренебрежение диетой сказывается на его весе: при росте 182 см он набрал почти 110 кг. И если по необходимости Жерар сбрасывает двадцать килограммов на съемках фильма, то потом быстро набирает их снова. Нет ничего удивительного в том, что такой гурман обзавелся в Париже двумя ресторанами, где готовят еду по его собственным рецептам, а также является пайщиком сети американских ресторанов «Планета Голливуд». Издатели не раз предлагали Депардьё написать книгу по актерскому мастерству, но он предпочел выпустить в свет сборник своих кулинарных советов.

Хотя одним из слогов его фамилии является бог («дъё»), он скорее агностик, правда, однажды даже некоторое время следовал мусульманским обрядам – посещал мечеть, совершал намаз, но эта «хворь» быстро прошла. Он продемонстрировал свою лояльность к католицизму, сочтя за честь встретиться с Папой Павлом II. А по совету кардинала Пупара нередко читал в соборах тексты святого Августина.

Для характеристики Депардьё-человека приведу еще один пример. Во время съемок в 1988 году фильма «Сирано де Бержерак» его партнером был Венсан Перес. Страстно влюбленный в сенегальскую модель Карин Силла, он пригласил Жерара на дефиле с ее участием в один из ресторанов. Обалдев от красоты девушки, Депардьё страстно влюбился в нее с первого взгляда... Зная о чувствах своего коллеги, он тем не менее увез ее к себе, чем смертельно обидел Венсана. Но его связь с Карин оказалась недолгой, хотя она родила ему дочь, получившую (отнюдь не случайно!) имя Роксана: ведь так зовут героиню драмы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак», в которой Депардьё так успешно снялся. Перес все же женился на Карин, и она родила ему дочь, а потом мальчиков-двойняшек. Удочеренная Венсаном, Роксана выросла в его семье. Жерар не часто, но заботился о внебрачной дочери, которой теперь уже двадцать лет.

...Вообще о его сексуальных аппетитах можно написать книгу. Он умеет быть отвратителен и заразительно обаятелен. Его сексапильность оценила по достоинству американская актриса Шарон Стоун. Она сказала: «Я вряд ли когда-нибудь стану сниматься с Жераром Депардьё. Но я не против, если он на полчаса затащит меня в какой-нибудь темный дворик. Я обожаю его грубоватую крестьянскую внешность».

А так говорит о нем Катрин Денев: «Крепкие плечи боксера, похожий на кривой баклажан нос, нерешительные и одновременно пылкие золотистые глаза. Конечно, он некрасив. Но в нем бездна настоящей мужской силы и обаяния».

Как публичный человек, Жерар Депардьё неприменный участник всяческих тусовок, фестивалей. Он всегда стремительно принимает решения, участвовать в них или нет, нередко совершая вылазки за пределы Франции.

В 1987 году он неожиданно приехал на Московский кинофестиваль, хотя поначалу отказывался, ссылаясь на страшную занятость. Я получил, наконец, возможность потолковать с ним. Но вначале, окруженный многочисленными поклонниками и поклонницами, он был недосяжим. Его просто рвали на части. За каждым его шагом следили многочисленные журналисты. Тогда в Москву в разгар перестройки и всемирной популярности Горбачева охотно ехали многие зарубежные кино деятели. Уговаривать их не приходилось. Прекрасное было время! Среди этих гостей был и Франсис Вебер, постановщик всех трех фильмов с Депардьё и Ришаром («Невезучие», «Папаши», «Беглецы»), которые с огромным успехом демонстрировались

в нашей стране. Однако как всегда зрителя привлекают звезды, а не их Пигмалионы. Так вот Франсис Вебер все время был в тени и только тогда, когда Жерар обращал внимание присутствующих на него, достаивался толики интереса к своей персоне. Он, впрочем, считал это совершенно нормальным. Мы тогда с ним очень славно поговорили, и я, помню, пожаловался, что никак не могу подобраться к Депардьё. «Что ж, это я вам устрою», – сказал Вебер и сдержал слово. Когда я обратился к возвышавшемуся над толпой бородатому Жерару (он тогда снимался в роли Огюста Родена в фильме «Камилла Клодель») и сказал, что обо мне ему должен был замолвить слово Франсис Вебер, он молча кивнул и сказал: «Пойдемте». Так мы оказались в его полу люксе гостиницы «Россия». В номер все время кто-то рвался, нам с трудом удавалось разговаривать, но он сохранял полное спокойствие. Не понятно, каким образом он попросил горничную принести ему стакан чая, хотя явно не прочь был выпить что-нибудь покрепче, и все время прихлебывал горячий напиток во время нашей беседы.

Я не мог оторваться от его больших золотистых кошачьих глаз, здоровенных крестьянских ручищ, которыми можно подковы гнуть и которые держали явно непривычное для них приспособление – подстаканник. Он говорил очень свободно, не избегая ответа на любые вопросы. Особенно запомнился разговор об одном из любимых им писателей – Достоевском. Жерар был в восторге от «Братьев Карамазовых».

– Кто из братьев вам ближе? – спросил я его.

– Вероятно, Алеша, с его духовностью и добротой, – ответил он. – Митя тоже. А вообще, мне иногда кажется, что я соединяю в себе и Алешу, и Ивана, и Дмитрия.

А затем пошел разговор об одном из важнейших эпизодов романа – разговоре Ивана с чертом – ведь тогда только что прогремел на Каннском фестивале, вызвавший скандал после присуждения ему Гран-при, фильм «Под солнцем сатаны» Мориса Пиала, где герой Депардьё как раз столкнется с чертом. – Существует убеждение, – сказал я ему, что если ты признаешь существование черта, то значит признаешь и реальность Бога. Жерар согласно кивнул. «Да у Ивана свои отношения с чертом, – ответил он, – но более двусмысленные, чем у аббата Донисана в фильме Пиала. Однако религиозный фанатизм автора романа (Бернаноса) внушает мне не меньший страх, чем обскурантизм Достоевского в „Записках из подполья“. Жерар заметил, что не слишком богомолен и не соблюдает обряды, но на его шее я заметил крест. Во время нашего разговора он со смехом заметил, что больше похож на русского, чем на француза:

– Посмотрите на мой нос, скулы, глаза. У меня чисто славянская внешность. Мне близка русская душа с ее вечными поисками смысла, ее силой и безмерностью чувств, безумной жадной жизни и бессмертия.

Мне подумалось, что, наверное, ему просто хотелось сказать что-то приятное своему русскому собеседнику. Но оказалось, он действительно так думал: именно в то время он мечтал сыграть Распутина... Есть и другие русские герои, образ которых ему так и не удалось воплотить в кино: Высоцкий, Маяковский...

Депардьё еще не раз приезжал в нашу страну. Он был почетным гостем Недели французского кино, а потом прилетел на открытие в Москве ресторана Сталлоне – Шварценеггера «Планета Голливуд». На пресс-конференции ему пришлось отдуваться за своих спутников – американских звезд, которые не могли похвастаться знанием русской культуры и вообще предпочитали говорить банальности... У него же поразительно цепкая память, и она его неизменно выручает. Потом он прилетел в 1996 году в Сочи на фестиваль «Кинотавр», чтобы представить картину Ника Кассаветиса «Отцепите звезды», где играет одну из ролей. Пребывание на «Кинотавре» началось с небольшого казуса в аэропорту: он упал с трапа собственного самолета, так как, оказалось, во время перелета активно «готовился» к фестивалю. Вечером Жерар, покачиваясь, вышел на сцену Зимнего театра в обычном своем затрапезном виде, полностью пренебрегающим этикетом, и произнес несколько дежурных фраз. Совершив этот ритуал, он отправился угощать руководство фестиваля вином со своих виноградников. Под его руковод-

ством в пляжном ресторане гостиницы «Жемчужина» повара жарили куриные ножки (специально привезенные им из Франции!). Свободная российская пресса писала потом, что последствия этого пиршества оказались для Депардьё весьма печальными: перебрав спиртного, он опять упал, разбил свой прославленный нос и был вынужден срочно улететь домой. Французская печать тогда представила события в более неприглядном виде: якобы кто-то в России сводил с актером счеты. Я привожу этот факт, как еще один штрих к достаточно живописной биографии актера.

Тогда же, в Сочи, много болтали, что Депардьё намерен разводить в России особый, морозоустойчивый сорт винограда в Можайском районе близ Бородино и делать из него новую марку «Шато де Бородино». Но слухи оказались только слухами, как и в дальнейшем появившиеся сообщения в прессе о его намерении купить землю в Крыму, где ему пришлось по вкусу вина из подвалов «Абрау дюрсо». В 2006 году он появился в Санкт-Петербурге, чтобы представить картину Ж. Берже «Чти отца своего». В картине Жерар выступил в дуэте со своим, ныне, увы, покойным, сыном Гийомом. Их восторженно встречали питерцы. Депардьё тогда, явно навеселе, выступал в Доме кино и всех очаровал своими восторгами по поводу первого пребывания в Питере, который ему очень понравился... из окна машины. В Москву он приезжал в том же году на МКФ. Ему торжественно вручили премию им. К. С. Станиславского «Верю» за вклад в киноискусство.

А в феврале 2006 года он объявился в Киеве, где был торжественно принят супругами Ющенко. Украинский президент стал вербовать его на роль главного героя фильма «Тарас Бульба», сниматься в котором Ющенко (ему не откажешь в размахе) намеревался пригласить также Шарон Стоун и Ричарда Гира. Писали также, что Жерар заинтересовался тогда историей Запорожской Сечи. Но я даже сомневаюсь, читал ли он гоголевскую повесть. Не знаю, почему актер и президент так и не договорились. В украинской прессе известного цвета появилось сообщение о том, что Депардьё всерьез «приударил» за Екатериной Ющенко... О нем вообще ходит много слухов.

Но начнем все же сначала.

Как удалось малограмотному, косноязычному провинциальному парню, с внешностью мясника и полу уголовным прошлым, стать символом французского кино, одним из лучших актеров мира, обладателем высших кинематографических наград, кавалером ордена Почетного легиона, преуспевающим бизнесменом?

Глава 1

Родом из Шатору

В городе Шатору, что в 251 километре от Парижа, в 1951 году была создана американская военная база НАТО, которая сильно изменила всю жизнь этого административного центра департамента Эндр.

Отношение к базе со стороны местного населения было разным. Ее строители, а впоследствии служащие на ней солдаты и офицеры, в свободное время устремлялись в город. Они жаждали зрелищ, были не прочь хорошенько поесть и выпить, им нужны были женщины. Местные проститутки не справлялись с повысившимся спросом. На подмогу им из Парижа и других крупных городов ринулись коллеги. Местные с ними не ладили. Происходили довольно омерзительные разборки. Вмешивались полицейские, разнимая сцепившихся в ожесточенных схватках жриц любви. Хорошо «подмазанные» приезжими дамами, они принимали их сторону во имя «защиты свободы конкуренции», вызывая ярость местных. Видя все это, старожилы сетовали на падение нравов, требовали вмешательства администрации. Но мэр только отмахивался: присутствие «новых оккупантов», как их окрестили «прогрессивные и патриотические силы» Шатору, приносило немалую выгоду казне. Быстро приспособились к новым условиям торговцы, владельцы кафе и баров. В меню появились любезные американцам хот доги и гамбургеры, жители узнали, что такое кока-кола и пепси. Сначала кое-кто фыркал: как можно пить «эту гадость» и зачем столько виски и джина, когда есть доброе французское вино? Но потом все привыкли. К тому же «новые оккупанты» в отличие от прежних, нацистских, оставивших о себе недобрую память, были щедрыми людьми, часто угощали виски, делились сигаретами и жвачкой.

Не чуждые коммерции французские обыватели охотно шли на натуральный обмен. Девушки за американские нейлоновые чулки готовы были не то, что переспать с GI (американскими солдатами), но и душу продать. Ведь им часто приходилось рисовать на голой щиколотке мнимый шов, чтобы издалека никто не догадался об их нищете. Теперь многие щеголяли в эротичных чулочках и изящных туфельках, вызывая восторженный свист заморской «братвы». Родители не зря были обеспокоены поведением своих дочерей. Но как помешать тем сбегать на балы, устраиваемые в клубе на базе, где выплясывают дьявольские танцы под названием «буги-вуги» и «рок-н-ролл»?

В такой вот атмосфере проходят детские и юношеские годы Жерара Депардьё. Он быстро ассимилируется с этим «пейзажем». И, стремительно подрастая, все свободное время проводит среди американцев. Как и большинство его сверстников выклянчивает у добродушных негров сигареты, а иногда и презервативы, сбывая их знакомым проституткам, которые продают их своим клиентам. На вырученные деньги Жерар шикует в питейных заведениях. Здесь все ему интересно, никто его не шпыняет. С любопытством наблюдает смысленый парень за американскими нравами. Вылощенные, с иголки одетые солдаты и летчики в состоянии опьянения обожали подражаться, а потом, мирно обнявшись и пошатываясь, брели на базу, располагавшуюся в трех километрах, стараясь не попадаться на глаза здоровенным военным полицейским с огромными белыми буквами «PM» на касках.

Здесь он не ощущает свою ущербность. Дело в том, что в детстве он заикался, а позднее был таким же косноязычным, как и его отец. Впоследствии Жерар объяснял это своей эмоциональностью, которая, мол, мешала ему оформлять свои мысли и слова, и отсутствием культуры. Но в той среде, в которой он тогда вращался, его понимали. Впрочем, этот недуг постепенно проходит, а когда он поступит в театральную школу, где станет читать прекрасные тексты классиков, – пропадет вовсе. По мнению автора статьи, посвященной ему в журнале «Psychology»,

«улица, свобода передвижения, которой он пользовался, цементировали его характер экстраверта. Быть самим собой дома ему было куда труднее». Вот он и стремился вырваться из дома, обстановка в котором, по мнению того же автора, породила в нем, как и у его братьев и сестер, «иррациональные страхи и торможение в развитии». Журналист приводит любопытные слова самого Жерара Депардьё о том, что «из бездны его вытащил волшебный язык прозы Жана Жионо». «Я не обладал запасом слов, а это блокировало все мои эмоции... – говорил он. – До прочтения его „Песни мира“ я увлекался комиксами и фото романами. И поначалу это лишило меня речи. Позднее, когда я начал повторять полюбившиеся мне слова, я подлинно испытал эмоции, которые им соответствовали». Слово всегда будет играть в его жизни огромную роль. Сегодня, слушая его стремительную речь, восхищаясь его умением излагать свои мысли, подчас в парадоксальной форме, трудно поверить, что когда-то он выражал свои мысли косноязычно и порой одними междометиями. Сколько трудностей у него было на этой почве в школе! И не потому ли он так рано ее бросил?

Но вернемся к истокам.

Его отец Рене Депардьё, которого все – в том числе и его собственные дети – называли Деде, родился в деревне неподалеку от Шатору. В школу он не ходил и, согласно одной распространённой легенде, умел расписываться лишь двумя известными ему буквами ДД (отсюда и прошло его прозвище). Но автор книги о Жераре Депардьё американский журналист и писатель Пол Шутков отмечает любопытный факт. Оказывается, Деде покупал газету коммунистов «Юманите» и просматривал ее. Он также слушал московское радио на французском языке. То есть Деде был совсем не таким дремучим человеком, каким его подчас изображают в некоторых рассказах о детстве актера. Его даже можно назвать политически ангажированным рабочим. В Шатору он освоил профессию кровельщика и вполне успешно трудился, ремонтируя крыши городских зданий.

Здесь же, в Шатору, на одном из народных балов он повстречает Алису Маринье, свою сверстницу, дочь военного летчика, который после войны стал инструктором в авиашколе при аэродроме на окраине города, на котором позднее разместится база НАТО.

Что могло сблизить этих, таких разных, людей? Возможно, именно немногословный характер Деде. Его глаза были красноречивее слов, и Алиса, которую в доме звали Лилетт, и которую так же будут называть и ее дети, сразу поверила в чувства этого простого парня. В 1944 году они поженятся и уже в сентябре появится на свет их первенец Алэн, за ним последует дочь Элен, а 27 декабря 1947 года, на второй день Рождества – Жерар-Ксавье. В последующие годы Лилетт родит еще дочь Катрин и двух сыновей – Франка и Эрика. Детей было бы куда больше, если бы не самодельное акушерское приспособление в виде вязальной спицы. В 1947 году оно не сработало и Лилетт «попалась» в очередной раз, не будь этого, она бы ушла от Деде: жить с ним ей стало невтерпёж. Так она рассказывала позже, и Жерар невольно ощущал себя нежеланным сыном. Но все было как раз наоборот: именно его Лилетт любила больше всех детей. Свою мать Жерар сравнивал с крольчихой и писал, что главным предметом в доме был ее большой живот. Садясь на велосипед, чтобы ехать на рынок за продуктами, когда в доме появлялись хоть какие-то деньги, она обычно прихватывала с собой Жерара, и тот пристраивался на багажнике, крепко ухватив мать за этот самый живот. Впрочем, денег в доме чаще не бывало, и тогда Лилетт посылала своего смышленного не по годам сына к мяснику и тому каким-то непонятным образом удавалось выцыганить немного мяса в долг. Как у всех детей, у него было свое прозвище – «бузотер», а позднее, когда он заведет мопед, издававший невероятный треск, то получит другое – «пукалка».

В своей книжке «Украденные письма», на которую я буду не раз ссылаться, и которую читатель найдет в этом сборнике, Жерар Депардьё писал о своей матери: «...В твоём самоотречении, моя Лилетта, чувствовалась безмерная любовь к нам. Будь я посмелее, я бы назвал твою любовь поэтической. В отличие от южанок, ты не обрушивала на мою голову свою неж-

ность, говоря: „Я все отдаю тебе, сын мой. Бери, бери, сын мой, это все тебе“. Нет. Между нами всегда сохранялась дистанция, оставлявшая в неприкосновенности чувство собственного достоинства. Ты всем пожертвовала ради нас, когда тебе было всего 20 лет. А ведь твой шарм я бы мог сравнить только с шармом Катрин Денев. Все, что ты дала мне, ты сделала незаметно. Стараясь до изнеможения, почти до смерти».

Очень красочно описывает он там же своего отца: «Ты никогда не обладал способностью выносить окончательное суждение, ставить финальную точку. Слышу, как ты извергаешь незаконченные фразы, невразумительные поговорки. То была какая-то своеобразная музыка, философия, которую можно было выразить лишь с помощью звукоподражания: „Муаиф! Просто уфф, о ля-ля, конечно, значит...“»

«Письмо отцу» в какой-то степени приподнимало покров, который члены этой большой семьи тщательно набрасывали на все, что их касалось. Об этом сказано самим Жераром: «Ты нас долго приучал вести себя так, будто мы невидимки».

Наверное, против этой роли «невидимки» и был направлен первый бунт юного Депардьё. Можно предположить, что Деде и Лилетт, сами того не желая, вырастили бунтаря, которым он предстает во многих фильмах.

Бунтарем выказал себя однажды сам Деде. Это случилось в 1940 году, когда Франция подверглась оккупации нацистской армией и страна была поделена на две зоны – оккупированную и так называемую «свободную». Демаркационная линия между этими зонами проходила в нескольких километрах от Шатору. Деде было 17 лет и ему грозила отправка в немецкий трудовой лагерь за Рейном. Чтобы избежать этого, Деде решает бежать в Швейцарию. Ловко обходя немецкие посты, он добрался туда и провел несколько лет в лагере для беженцев.

Вернувшись в начале 1944 года в Шатору, он быстро женится. В семье швейцарская эпопея Деде была известна и часто с восхищением обсуждалась детьми.

Итак, поживившись, молодые Депардьё поселятся в новом тогда и не обжитом еще районе Шатору – Омелоне, где в доме 39 по улице Маршала Жоффра проживут до 1975 года, когда Жерар купит им собственный дом.

Молодой Депардьё, стало быть, рос в семье, где не ощущал особого покоя. Он рассказывал автору книги о нем Полу Шуткову: «Я был веселым ребенком, который шел ко всем навстречу. Был улыбочив, с открытым взглядом, отнюдь не обременительным для других членов семьи. Я был простым мальчиком, белокурым, голубоглазым, здоровым и находчивым». В одном из интервью Жерар парадоксально утверждал, что ему повезло родиться в бедной и малообразованной семье. Его везение заключалось в полной свободе, никто не воспитывал его, не докучал «моралью строгой». Он был предоставлен самому себе, мог делать, что хотел и когда хотел. Его воспитывала улица.

Лишившись работы по профессии, Деде соглашается стать разнорабочим, а потом и просто уборщиком на фабрике. Чтобы избежать попреков жены, вынужденной сводить концы с концами на пособие для детей, он стремится сбежать из дома, частенько возвращается глубокой ночью в стельку пьяным. Лилетт постоянно в конфликте с ним. Старшие мальчики, убегая из дома, с наслаждением окунаются в ночную жизнь Шатору, заглядывают в питейные заведения, кафе, с удовольствием слушают американскую музыку. Жерар быстро растет и выглядит много старше своих лет. Это сбивает с толку, вызывает уважение сверстников. Лидером он был с детства. Сначала возглавлял ватагу таких же сорванцов, а потом ему охотно стали подчиняться парни постарше.

В Омелоне со временем стали селиться семьи американских офицеров и зажиточных французских чиновников. По идее, он не должен был общаться с их детьми, но Жерар был весьма коммуникабельным и поэтому в школе дружил и с чадами этих «толстосумов», как их называл Деде. Члены семьи Депардьё выглядели белыми воронами в Омелоне. Но это никогда не смущало Жерара. Конечно, у его сверстников из состоятельных семей были другие заботы

и другие развлечения. Дети богатых летом отправляются на курорты, а Жерар едет к дальним родственникам в деревню. Занимается хозяйством, встает рано, ложится поздно, ухаживает за скотом. В тринадцать лет он выглядит на все восемнадцать: рост под метр восемьдесят, вес за 80 кг. У него много друзей среди американцев, с которыми он разговаривает на какой-то дикой тарабарщине. Однако GI его понимают. Словарный запас Жерара пополняется жаргонными американизмами, что весьма забавляло его заокеанских собеседников. Они охотно угощали этого здоровенного «френчи», который пьет, как поляк – так говорят во Франции, впрочем, без всякой злобы. Но, напиваясь, он часто не в силах был добраться до дома, так что мать отправляла на поиски своего любимца его старшего брата. С Аленом они дружили, вместе крали канистры с бензином на американской базе, потом продавали его, а на вырученные деньги покупали пластинки с популярными тогда американскими певцами. Эта музыка гремела в их доме, добавляя еще новые децибелы в и так грозную атмосферу логова Депардьё.

Лет с тринадцати он увлекается боксом. В Шатору открылась боксерская школа, которую возглавил некто Жеблонский, выходец из Польши. У Жерара он находит большие способности и уделяет ему много времени. Если бы тот остался в родном городе и активно тренировался, он мог бы стать профессионалом. А пока Жеблонский отправляет его спарринг-партнером знакомого американца на базу НАТО. В одном из боев противник изменит натуральную форму его крупного носа. И этот нос «скобкой», как скажет кто-то позднее, всегда будет напоминать ему о ринге. Он не был пай-мальчиком. Свои здоровенные кулаки он нередко пускает в ход во время разборок конкурирующих молодежных шаек, вожаком одной из которых он был. За участие в потасовках, кражи и угон машин жандармы не раз увозили его в своем фургоне. Вызванная в полицию, Лилетт забирает сына: ведь он несовершеннолетний и его отдают ей на поруки... до следующего раза со «строгим, последним сто первым предупреждением».

Будучи весьма изворотливым парнем, Жерар легко, когда ему хотелось, проникал на базу НАТО. Здесь можно было поплавать в бассейне, покататься на роликах, для чего построен скейт-ринг, погонять мяч с опытными футболистами, ведь в школьной команде его окружают «сопляки». Тут же куда все серьезнее и интереснее.

На американской базе он подружится с молоденькой негритянкой, с которой будет кататься на роликах и прохаживаться в сумерках, взявшись за руки. «Я был страшно застенчив, – вспоминал он позднее. – У Рони были нежные губы и блестящие черные глаза. Но объяснить ей в любви я не решался. Я и на родном то языке не смог произнести „я люблю тебя“, а уж о том, чтобы сказать это по-английски, не могло быть и речи». К тому же он видел неодобрительные взгляды белых солдат и не раз слышал, что негоже, мол, ему «якшаться с черномазыми». Но все равно заразить его бациллой расизма американцам так и не удалось.

Жерар, став своим человеком на базе, торговал всем, чем можно: виски, сигаретами, перепродавал американские рубашки и джинсы. Это называлось «контрабандой». Однажды один из его посредников попался с товаром и загремел в полицейский участок. Он с потрохами выдал Жерара жандармам, и того, хотя он все упорно отрицал, засадили на три недели в тюрьму. Не помогли и мольбы матери.

Любви его в довольно раннем возрасте научили две молоденькие парижские «жрицы любви» Ирэн и Мишель, приехавшие в Шатору на заработки. Одна из них по происхождению была русской и просила, чтобы ее называли Ириной. Мишель сделала ему первую наколку на плече в виде звездочки, а позднее к ней добавила наполовину раскрашенное сердечко. Иногда Жерар даже по нескольку дней жил у них в гостинице на озере Бель-Иль, где они снимали крошечный номер на двоих. Но юный Депардьё не только пользовался их услугами, он был их защитником и покровителем. Жерар не раз спасал девушек от буянящих клиентов, выставляя тех за дверь. Чем-чем, а силушкой его природа не обделила. Понятно, молодой Жерар был любимчиком обеих девушек. Они заверяли его, что он найдет в жизни свою путеводную звезду к успеху, а сердце подскажет, как действовать. Жерар не относился к ним, как к шлюхам, счи-

тал их такими же бунтарками, как и он сам. Они рассказывали ему, что ушли из дома в знак протеста против буржуазных нравов, царивших в их семьях, твердо решив отныне стать независимыми, свободными. Им было по девятнадцать лет, а Депардьё всего четырнадцать. Они очень веселились, видя неопытность Жерара, и немало гордились его несомненными успехами на «ложе любви» в их скромном гостиничном номере. Смеясь, девушки предлагали ему стать их «менеджером». Но подобная роль его мало привлекала, он и так готов был защищать этих «жриц любви», не претендуя на проценты. В общем, он сохранил о своих первых опытах в любви самые нежные воспоминания. Главное, они не сделали его циником, смотрящим на женщин чисто утилитарно. Ведь не случайно он, как мы узнаем позже, так рано женился.

В 1984 году в несколько эпатажном интервью еженедельнику «Нувель обсерватер» Жерар говорил:

– Надо понять, что детство, проведенное в Шатору, – это не вымысел, призванный привести патетический смысл в суть моей биографии. Это был мой мир, и он им остался: улица, пропойцы, преступники, которые, если повезет, возвращались в город после отсидки. Я по-прежнему принадлежу к большой уличной семье. С ней трудно порвать, она тебя крепко держит в руках, и это то самое лучшее, что есть в тебе. Мне было хорошо в своей шайке, с натовскими солдатами, проститутками, которые их обслуживали. Это не был мир закоренелых негодяев и бандитов. Но это был иной мир. В нем я научился жить без вожжей, с ощущением полной свободы, которая дана только актерам, переходящим от одной роли к другой. Если у тебя было такое детство, то нетронутыми и неиспорченными остаются эмоции, и когда становишься актером, это очень помогает.

Таким образом, Жерар Депардьё еще подростком становится мужчиной, взрослым человеком, привыкшим самостоятельно отвечать за свои поступки. Видя, как некоторые его приятели быстро и надолго оказываются за решеткой, он понимает, что и его ожидает такая же участь, если он не вырвется из Шатору. Для начала ему приходит в голову идея попутешествовать по Франции. Денег у него мало, но зато известно, что существует автостоп. Только есть одна загвоздка: захотят ли владельцы машин взять его, он всегда ведь пугал своей брутальной внешностью тех, кто его не знал.

Еще раньше, попадая в полицейский участок, он научился валять Ваньку, морочить голову жандармам, разыгрывая то тихоню, то умственно отсталого парня. «Да ты настоящий артист!» – слышал он насмешливые реплики стражей порядка. Жерар очень гордился, когда ему удавалось провести фараонов. Вот и теперь, выйдя на шоссе и поднимая вверх большой палец, он представляется то сиротой, спешащим на похороны любимой бабули, то глухонемым, чтобы избежать лишних вопросов. С помощью таких вот несложных превращений ему удалось объездить всю страну. Но первым делом он отправился посмотреть на море, на Лазурный берег, где с помощью случайного знакомого устроился «пляжным гарсоном», то есть мальчиком на побегушках для богатых отдыхающих. Он перетаскивает лежаки, подносит лимонад и круасаны, спускает лодки на воду... Его тело покрывается красивым шоколадным загаром, а волосы выгорают и становятся еще более светлыми. Спит он тут же на пляже. Хозяин им доволен, и хотя платит мало, зато не претендует на чаевые. Но вот купальный сезон закончился и Жерар отправился автостопом дальше в путь. Этот светловолосый загорелый здоровяк с живыми глазами не внушает никаких подозрений водителям. К тому же он знает массу забавных историй. Поработав на «пляже миллионеров», он навидался там всякого. (Мог ли он тогда подумать, что пройдет совсем немного времени, и он сам будет загорать на таком пляже?)

Переезжая из города в город, он пробует разные возможности заработать денег. Раздобыв поддельное свидетельство слепого, некоторое время торгует мылом. Бизнес идет плохо: денег у него достаточно лишь на еду и номер в гостинице. В конце концов, Жерар решает вернуться в отчий дом.

За время его отсутствия здесь ничего не изменилось, и вскоре его охватывает неудержимое желание снова сбежать, куда глаза глядят. Мать настаивает, чтобы он приобрел какую-нибудь профессию. Жерар соглашается пойти учиться на печатника. Теперь его вторым домом становится типография с ее привычным запахом краски и машинным грохотом.

Но эта жизнь его совершенно не устраивает, поэтому вечера он все чаще проводит в загулах. Стенания матери не доходят до него. Более того, озлобляют. «Я пил тогда все, что придется, – вспоминал он в интервью еженедельнику „Пуэн“, – водку, виски, красное, розовое, белое вино. Шлялся с приятелями по сельским праздникам. Упивался до посинения». Однажды в коматозном состоянии его доставят в больницу. Приведя своего пациента в чувство, врач без всяких обиняков говорит ему, что если это повторится, он не уверен, что сумеет вернуть парня с того света. Он не пугает его, он предупреждает. Если тот хочет жить, надо перестать пить. Глупо помирать в таком возрасте!

Жерар внимательно слушает. Слова врача звучат, как приговор без права на обжалование. Впервые он отдает себе отчет, что оказался в тупике и если сам из него не выберется, то может и погибнуть. «Я больше не мог находиться в Шатору. Мне нужно было немедленно изменить свою жизнь», – вспоминает Депардьё. К тому же он состоял на учете в местной полиции, и если в городе или округе совершалось что-либо противозаконное, его тут же тащили в участок.

И тут в его судьбу вмешивается счастливый случай. Это он приводит его на вокзал, где на перроне Жерар обнаруживает с чемоданом в руке бывшего соученика Мими – Мишеля Пилорже, сына известного в городе врача. Тот рассказывает, что едет в Париж, чтобы поступить в театральную школу. Мишель хочет стать актером. Не желает ли Жерар присоединиться к нему? Он, Мишель, уверен, что у него это здорово получится. Вспоминая свои «роли» на дорогах Франции, Жерар задумчиво кивает. Мишель говорит, что у его братьев-студентов есть квартира, а где живут трое, всегда найдется место и для четвертого. Жерар обещает подумать. А что думать-то? На билет в один конец, в Париж, денег у него хватит. В Архитектурном институте столицы учится Ален, но у него негде жить. Придется воспользоваться приглашением Мишеля.

Так осенью 1965 года с легким рюкзаком за плечами он выйдет на Аустерлицком вокзале Парижа и отправится по указанному адресу на улицу Гласьер, 54. Его встретят тепло, по-дружески.

Так открылась новая страница в жизни будущей звезды.

Глава 2

Годы учения сына Деде

Мишель Пилорже решил поступить в театральную школу Дюлена, существовавшую при Национальном народном театре (ТНП). Учение было платным, поэтому занимались тут дети богатых родителей. Жерар же был гол как сокол. Опытный глаз профессора Люсьена Арно сразу выделяет этого неотесанного, дремучего парня среди остального контингента абитуриентов. Он просит Жерара прочитать ему что-нибудь наизусть. Тот только пожимает плечами. Ну, тогда, может быть, он им что-нибудь покажет? Вот это ему сделать куда проще, и он недурно справился со своим первым в жизни «этюдом». Ему делают исключение и разрешают посещать школу бесплатно три раза в неделю. И в дальнейшем, в так называемых «этюдах», он будет демонстрировать полную раскрепощенность, тогда как его товарищи по классу актерского мастерства выглядят часто зажатыми, ходульными, маловыразительными. Люсьен Арно все более усложняет задачи, и его новый ученик превосходно с ними справляется. Возможно, ему просто не мешает тот груз условностей, которые привносят образование и воспитание, для него – это игра, очень интересная игра, когда он внезапно ощущает поразительное чувство свободы, головокружительное чувство!

Жерару становится все более очевидно, что отсутствие образования превращается в преграду, которая помешает в дальнейшем его карьере. Значит, надо учиться! С обычным своим пылом он набрасывается на книги, бегает по театрам, смотрит фильмы. Участвовать в обсуждении прочитанного и увиденного он пока не решается, но сказать, нравится ему или нет пьеса, роман, фильм, может и не уходит от разговора. На курсе Арно он – самая колоритная и непредсказуемая фигура. «Поначалу я и понятия не имел, кто такие Ипполит, Андромаха, Федра. Я думал, что это собачьи клички», – с обезоруживающей искренностью говорит он.

Немного угнетает вечное безденежье, но он как-то выкручивается. Окончивший Архитектурный институт старший брат Ален немного помогает ему. Да еще иногда подбрасывает денег приятель по Шатору, который держит бистро под названием «Метод». Позднее Ален говорил, что если бы не театр, его брат плохо бы кончил.

Через некоторое время Жерар переходит на курсы Жана-Лорана Коше, куда его соблазнит уйти еще один земляк Мишель Аррийо. Здесь занимаются иначе, учат тексты, от всех студентов требуется соблюдение дисциплины. Коше безжалостно исключает всех, кто отлынивает от занятий, репетиций. И здесь Жерар освобождается от платы, зато он выполняет разные помрежевские обязанности, помогает ставить декорации в учебном театре. Верная помощница Коше Одетт Лор занимается с ним техникой движения, учит одеваться, заставляет ходить к парикмахеру. Владеть речью его научит врач-психолог Альфред Томатис, который порекомендует работать под музыку Моцарта. Жерар впитывает эти уроки, как губка. Классические герои становятся ему понятны, благодаря собственному жизненному опыту. Он так явно меняется на глазах, что вызывает не только удивление, но и восхищение у сокурсников.

На курсах Коше произойдет его встреча с Элизабет Гиньо, которая старше его на шесть лет. По материнской линии она принадлежит к старинной гренобльской аристократии. Ее отец Жан Гиньо – один из директоров Парижского транспортного управления. У Элизабет есть жених художник, ее ровесник. В одном из интервью Депардьё называл их встречу с Элизабет «встречей двух миров-антиподов». Их разделяет огромная культурная пропасть. Но какое ему до этого дело, раз он влюблен и хочет добиться взаимности! Жерар неловко, но искренне ухаживает за ней. Поначалу ее пугает этот верзила, рядом с которым она кажется еще меньше ростом. Но постепенно Элизабет уделяет ему все больше внимания. Ее смущают не родовые «корни» Жерара, не его необразованность (в конце концов, это все наживное), а то, что она

старше. Пока эта разница в годах не имеет большого значения, но со временем, трезво размышляет она, это может сыграть свою негативную роль. Психологический факультет Парижского университета привил Элизабет навыки анализа жизненных ситуаций. Перед ней был брильянт, огранить который не представляло труда. В отличие от других ее поклонников, этот двадцатилетний парень довольно быстро заговорил о браке, о том, что ему нужна семья, что иначе он не может жить. Это было очаровательно и наивно. Но ей 26 лет, пора уже завести семью, детей. «Он обладал эмоциональной правдой поведения, – скажет она позднее, – а я, видимо, именно это подсознательно искала... Очень скоро стало ясно, что мы будем вместе. Жерар оказался последней фишкой в моей жизненной головоломке». Так или иначе, но прежний ее жених получает отставку. По мнению Мишеля Пилорже, который очень гордился успехами своего приятеля, «любовь окончательно вытащит его из ямы, в которой Жерар пребывал в Шатору». Особенно после того, как он на каникулах побывает в родном городе, где все переменялось. Американцы покидали Шатору: база была закрыта. Процветанию города пришел конец, и они забирают с собой все, даже срезают газон и перевозят его в место новой дислокации базы в ФРГ. Таково было одно из последствий выхода Франции из военной организации НАТО. В одном из баров, сохранившем американское название «The Pub», Жерар ввязывается в драку. Полицейские не могут справиться с ним. Во время потасовки Жерар сбивает с одного из ажанов символ его достоинства и власти – кепи – и ему предъявляется обвинение в оскорблении служителя порядка. Скверная репутация в прошлом очень вредит ему и на сей раз. Он уже совершеннолетний, и его вполне можно надолго упрятать в тюрьму. Нанятый адвокат, ссылаясь на политическую ситуацию после майских событий (1968 года) в Париже (в которых Жерар, кстати сказать, не принимал участия, утверждая, что начавшие бунт студенты просто «с жиру бесятся»), не без труда добивается снисхождения суда: Жерар отделяется штрафом в размере 300 франков. Эти деньги за него вносит все тот же Мишель Пилорже.

Весьма напуганный этим происшествием, Жерар возвращается в Париж с твердым намерением окончательно покончить с прошлым. И в этом ему окажет неоценимую помощь Элизабет. Узнав о случившемся, она очень серьезно поговорит с ним. Ему следует, мягко, но решительно говорит Элизабет, принять решение: либо он будет жить по-новому, либо пусть забудет о ней.

Надо отдать должное Жерару, он умеет в критической ситуации быть на высоте. Данный ему «испытательный срок» он не потратит зря. 11 апреля 1971 года, закончив курсы Коше, и уже начав сниматься в кино, он таки отведет Элизабет к господину мэру и тот зарегистрирует их брак. «Когда я начал работать по-настоящему, – говорил он в интервью еженедельнику „Пуэн“, – я тотчас завел семью. Мне был 21 год. Мы сразу же завели детей: Гийом появился на свет в 1971 году, а 1973 году родилась Жюли. Семья для меня важнее профессии. Профессиональные успехи, приносящие достаток, приходят потом. В первую очередь я хотел иметь семью, которая служила бы мне душевной опорой».

Он, конечно, вытянул выигрышный билет. О такой жене многие могли только мечтать. Небольшого роста, прекрасно сложенная, белокурая, образованная молодая женщина, она выделялась на курсе Коше. Было известно, что Элизабет уже успела позаниматься на весьма престижных курсах русской актрисы и режиссера Тани Балашевой, потом училась в университете, а после защиты диплома прожила пять месяцев в Нью-Йорке и свободно говорила по-английски. Сначала Жерар только интриговал ее, но постепенно она увлеклась им всерьез. То, что он безмерно талантлив, она поняла сразу. Поняла и то, что без сильной поддержки человека, которого он не только любит, но и глубоко уважает, все его природные наклонности могут и не проявиться в достаточной мере.

Сама она, как и Жерар, третий ребенок в семье из четырех детей, но у нее, конечно, была совсем другая жизнь. То, что они встретили друг друга – чистая случайность. Но ведь его величество господин Случай часто определяет и ход истории.

В своих «Украденных письмах» Депардьё превосходно написал об Элизабет. Не могу себе отказать в удовольствии и процитирую пару строк из его письма жене:

«Я подумал тогда: „Как прекрасно, что она маленького роста, ее хочется носить на руках“.

«Я любовался совершенством твоей фигуры, твоим волнующим телом... Потрясенный, я, как болван, долго не мог оторвать от тебя глаз. Я был похож на восторженный восклицательный знак».

«...Я люблю ее, я буду любить ее вечно, всю жизнь».

Это было написано – и совершенно искренне – в 1988 году. Пройдет не так много времени, и Элизабет узнает, что у актрисы и топ-модели Карин Силла от Жерара родилась дочь, нареченная ею Роксаной. Карин, очевидно, по-своему хотела сделать подарок своему божеству, своему Сирано-Депардьё... Как человек порядочный, Жерар признает ребенка, и Роксана станет часто бывать в его доме, тогда как старшие дети на время отдалятся от него. А еще через год после фильма «Слишком красивая для тебя» Жерар уйдет из дома, чтобы жить вместе с красавицей Кароль Буке.

Я не собираюсь бросать камни в огород Жерара Депардьё за эту неверность. Актеры ведь живут эмоциями, в несколько ином измерении. Наверное, что-то в их отношениях с Элизабет треснуло. Словно оправдывались ее страхи, которые она испытывала, когда он с таким пылом заверял ее, что будет любить вечно.

Но я забежал далеко вперед.

Еще во время учебы Жерар Депардьё привлек внимание критиков и зрителей своей игрой в нескольких спектаклях. В 1968 году он не без успеха выступал в учебных театральных постановках, например, в «Будю, спасенный из вод» Рене Фошуа. Наверное, молодой Депардьё и представить себе не мог, что в 2005 году он снимется в роли Будю в римейке режиссера и актера Ж. Жюньо. В первой экранизации пьесы «Будю, спасенный из воды», которую осуществил великий Жан Ренуар в 1932 году в главной роли снимался острохарактерный актер Мишель Симон, уже сыгравший ее на сцене. Ренуар решил тогда придать характеру Будю малосимпатичные черты, и это вызвало протесты публики и критики. В 2005 году Жерар Жюньо поступил иначе. В его картине (она называется просто «Будю») – сохранен основной сюжет пьесы – о неожиданном появлении в респектабельной буржуазной семье Эдуара Лестингуа (его роль играл сам режиссер) парижского бомжа, которого Эдуар вытащил из Сены, куда тот плюхнулся. В отличие от фильма Ренуара, персонажи фильма Жюньо обрисованы с юмором и симпатией, что вполне соответствует эстетике этого режиссера (вспомним хотя бы показанный у нас по ТВ его фильм «Хористы»). Но более всех приятно удивил Жерар Депардьё, придавший образу Будю «поэтичность и некоторую дозу сюрреализма», как отмечала критика. Это было явной актерской удачей особенно в сопоставлении с другими ролями, сыгранными Жераром в этот год, скажем Астерикса или беспринципного полицейского в «Набережной Орфевр, 3б».

Но вернемся назад, в годы учения сына Деде. Стремясь сформировать в молодых студентах умение играть самые разные роли, Коше поставил спектакль о гомосексуалистах по пьесе Марта Кроулэя «Парни из одной компании». Одну из «щекотливых» ролей он поручил Депардьё, который с блеском справился с заданием. Среди других его вполне успешных появлений на сцене – в 1970 году в пьесе Теренса Фрисдея «Обманутая девушка». А в 1971 году он уже играет вместе с Натали Бай и Бернаром Блие в «Галапагосе». С этого спектакля начинается его дружба с Блие, который познакомит его со своим сыном Бертраном. И это будет знаком судьбы. Наконец, Депардьё участвует в постановке Клода Режи «Савед». Режи знакомит его с системой Станиславского, вводит в среду парижской интеллигенции, увлекающейся экзистенциализмом, заставляет смотреть спектакли по Натали Саррот и Петеру Хандке. Депардьё сыграет потом в их пьесах. А в 1978 году он снимется у П. Хандке в его фильме «Женщина-левша».

Депардьё вспоминал: «У меня до встречи с Режи не было никакой литературной и философской культуры. Я, по сути, был провинциальным невеждой. Благодаря ему я серьезно засел за книги...»

На одном из просмотров Режи подводит его к немолодой маленькой ростом женщине, которую представляет Жерару как великую писательницу и начинающего кинорежиссера Маргариту Дюрас. Глянув на здоровенную фигуру молодого актера, впрочем, прилично одетого и причесанного, она спросила его, не согласится ли он сняться в ее новом фильме «Натали Гранжье». Она пришлет ему почитать сценарий. Жерар уже знал дорогу на киностудии, где подрабатывал исполняя маленькие ролики – в фильме Роже Леенгардта «Битник и пижон», в картине Мишеля Одиара «Крик баклана вечером над джонками» («правая рука» главного бандита), потом сыграл брата главной героини Натали в фильме Жака Деря по роману Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде», молодого бандита в «Скумуне» Хосе Джованни, где главного героя играл Жан-Поль Бельмондо. Также он исполнил второстепенную роль в полуфантастической ленте сына Луиса Бунюэля – Хуана-Луиса «Свидание с веселой смертью», которая, впрочем, оставляет его совершенно равнодушным к своим идеям об иллогизме поведения человека, роли в нем подсознания и иррациональности. Депардьё начал было сниматься у Аньес Варда в картине «Рождество Кэрл», но фильм не будет закончен из-за отсутствия денег. За время знакомства с Аньес Варда он стал своим в доме – ухаживал за дочерью, носил дрова для камина. А тут Маргарита Дюрас предлагает ему большую роль в фильме «Натали Гранжье», да еще с такими прекрасными актрисами, как Лючия Бозе и Жанна Моро в качестве партнерш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.